

Он посмотрел туда, куда указывал Хо Сяньюй. На чистом поле бумаги виднелись его случайные каракули — силуэт человека, кончики ушей и макушка которого были окутаны светом утреннего солнца.

— Ты тайком меня рисовал? — внезапно Хо Сяньюй наклонился к самому уху Лу Тяо.

Черт, он совсем забыл, когда, задумавшись, нарисовал этот набросок.

Пойманный с поличным объектом своей тайной влюбленности, Лу Тяо почувствовал, как лицо мгновенно загорелось. Однако он старался сохранять спокойствие:

— Просто захотел нарисовать. А что, нельзя?

— Нельзя, — Хо Сяньюй свернул бизнес-план и забрал его. — Конфискую.

Лу Тяо надул губы, с горечью думая, что если бы Е Цяоцяо захотела его нарисовать, Хо Сяньюй точно бы так не поступил...

— В следующий раз, если захочешь меня нарисовать, делай это открыто.

Хо Сяньюй легонько постучал по пушистой макушке Лу Тяо. Тот, потирая голову, почувствовал, что его интеллект явно снизился. Иначе почему ему было так приятно от того, что его стукнули по голове?

Весь день нельзя было проводить в безделье. Стоило признать, что, приехав в деревню, Лу Тяо с первого дня занимался только земледелием и толком не осмотрелся.

Хо Сяньюй, щадя его гордость, дал ему выходной на полдня, чтобы тот мог погулять с друзьями.

Лу Тяо был в восторге. Посмотри, какой Хо Сяньюй понимающий! Кого же еще любить, если не его? Он уже превратился в маленького дурачка, ослепленного любовью.

Маленький лысый мальчик, назначенный проводником, тоже был рад. Он прилип к Е Цяоцяо, называя ее сестричкой на каждом шагу.

Деревня Уцунь была не слишком большой, но и не маленькой. Река разделяла ее на две части — восточную и западную. Дом Хо Сяньюя находился на самом востоке.

Маленький лысый мальчик, шагая по берегу реки, рассказывал Е Цяоцяо:

— В этой реке полно рыбы. Пруд моего третьего двоюродного дедушки питается водой из этой реки. Многие в нашей деревне копают пруды и разводят рыбу, а некоторые даже сажают лотосы. Это очень красиво, сестричка, я покажу тебе!

С этими словами он потянул Е Цяоцяо за руку, чтобы показать ей лотосы, полностью игнорируя Лу Тяо и остальных. Как раз наступило время, когда лотосы только начинают распускаться. Розовые и белые бутоны, тесно прижатые к листьям, напоминали застенчивые лица девушек. Капли росы, катившиеся по листьям, были похожи на рассыпанные жемчужины, вызывая восхищение.

Эти богатые наследники, которые летали на парапланах над горами и ныряли в морские глубины, никогда не видели таких пейзажей. Они не могли сдержать восторга:

— Как красиво!

Маленький лысый мальчик зашел в воду и сорвал несколько лотосов. С покрасневшими щеками он протянул их Е Цяоцяо, сладко приговаривая, что сестричка красивее лотосов.

Е Цяоцяо смутилась:

— Их можно просто так срывать?

— Конечно! — Маленький лысый мальчик отряхнул капли воды с ног. — Этот пруд ничей. Мой брат говорил, что раньше здесь росло большое дерево тунг, но оно рухнуло во время землетрясения, оставив после себя большую яму, которая превратилась в пруд. Кто-то не захотел оставаться в деревне и уехал, но перед отъездом посадил здесь лотосы. Они разрослись и превратились в этот пруд.

Лу Тяо не ожидал, что за этим лотосовым прудом скрывается такая история. Ему стало не по себе. Хо Сяньюй тоже пережил это. Наверное, тогда он был еще ребенком. Было ли ему тяжело?

Янь Чуньхуа занималась изучением психологических травм после катастроф. Лу Тяо часто слышал от матери о различных случаях и испытывал сочувствие к людям, пережившим страдания. Даже за границей он участвовал в волонтерской работе в этой области. Но только когда он погрузился в их жизнь, он понял, насколько его сочувствие было поверхностным. Как и жители деревни Уцунь, те, кто решил уехать, и те, кто остался, старались жить дальше, несмотря на пережитые трудности. Землетрясение разрушило столетнее дерево тунг за мгновение, но чтобы на руинах расцвели прекрасные лотосы, потребовалось десять лет...

Вечером Хо Сяньюй приготовил пойманную рыбу. Мелкую рыбу он зажарил, а более крупную сварил в супе. Хотя порции были увеличены, но с учетом двух здоровых парней — Маккена, Цзинь Вэйжаня и Лу Тяо, которые ели с невероятным аппетитом, на столе вскоре остались только рыбьи кости.

Маккен, неискушенный иностранец, никогда раньше не пробовавший блюд агротуризма, был в восторге от свежей рыбы, которую даже не нужно было особенно готовить. Он ел с таким удовольствием, что даже его ломаный китайский пропал, и он только твердил:

— Дабомб!

Цзинь Вэйжань, глядя на него, отрыгнул, хлопнул Маккена по плечу и засмеялся:

— Брат, не будь таким провинциалом. Это всего лишь уровень нашей домашней кухни. В Китае столько вкусных блюд, я тебе покажу!

Не успел Цзинь Вэйжань закончить хвастаться, как вдруг почувствовал боль в пальце ноги:

— Тяо, можно говорить нормально! Зачем ты наступил?

Лу Тяо, указывая на кучу рыбьих костей перед ним, саркастично заметил:

— А я смотрю, ты тоже неплохо поел. И еще придираешься.

Хо Сяньюй потратил весь день на приготовление этого ужина, и Лу Тяо, с его ревнивым характером, не мог терпеть, когда кто-то плохо отзывался о Хо Сяньюе.

Цзинь Вэйжань посмотрел на Лу Тяо, затем на Хо Сяньюя и почувствовал, что потерял свое место в сердце друга. Лу Тяо еще даже не стал его парнем, а уже начал защищать. Что же будет дальше?

Под давлением Лу Тяо Цзинь Вэйжань разразился потоком комплиментов, восхваляя кулинарные навыки Хо Сяньюя до небес, сравнивая их с изысканными блюдами. Закончив хвалить, он с неохотой взялся за мытье посуды, бормоча себе под нос:

— Дети выросли, нашли невесту и забыли мать...

Погоди, почему он назвал себя матерью?

После посещения лotosового пруда Лу Тяо не мог перестать думать, смог ли Хо Сяньюй оправиться от травмы землетрясения. Лу Тяо размышлял, что если бы он пережил подобное, потеряв родителей и друзей, то даже через двадцать или тридцать лет он бы не смог забыть...

Но Хо Сяньюй выглядел нормально — улыбался, подшучивал над ним. Неужели это все было притворством?

Лу Тяо не мог не волноваться. Даже когда ему наконец удалось разделить постель с Хо Сяньюем, он уже не испытывал прежнего возбуждения. Они лежали на разных сторонах кровати. Хо Сяньюй пожелал ему спокойной ночи и выключил свет.

Несколько мягких лучей лунного света, сопровождаемых ночным ветерком, проникли через окно. Но сердце Лу Тяо было похоже на воздушного змея, стянутого веревкой тревоги, и он долго не мог уснуть.

— Хо Сяньюй.

Лу Тяо из-под одеяла осторожно коснулся его руки:

— Тебе страшно?

Хо Сяньюй повернулся, и его теплые выдохи коснулись кожи Лу Тяо. Он просто дышал медленно и спокойно, не отвечая.

Казалось, прошло много времени, и Лу Тяо уже начал думать, что они оба уснули, когда вдруг услышал низкий голос Хо Сяньюя:

— Все боятся.

Всего несколько слов, но Лу Тяо словно увидел того одинокого подростка, который в такие же ночи боялся уснуть, потому что никто не знал, не случится ли новый толчок...

Лу Тяо вдруг стало очень грустно. Он потер глаза и почувствовал, как его ресницы стали влажными:

— Я должен был быть рядом с тобой...

Хотя бы чтобы обнять его.

Хо Сяньюй мягко улыбнулся. Оказывается, Лу Тяо все это время думал об этом. Как всегда добрый малыш. Он впервые вытер чьи-то слезы, проявив неловкость:

— Ты забыл? Ты был рядом.

Лу Тяо увидел в лунном свете мягкий и твердый взгляд Хо Сяньюя. Оказывается, он действительно был рядом с ним в те времена, просто эти короткие моменты он забыл.

Неужели тогда он обнял Хо Сяньюя?

Лу Тяо обнял Хо Сяньюя за шею и тихо сказал:

— Не бойся, я буду с тобой.

Лу Тяо подумал, что, даже если это притворство, пусть он будет рядом. Когда-нибудь на этом пруду расцветет целый лотосовый сад.

— Вытри.

Хо Сяньюй прервал его редкий момент грусти:

— Ты вытер сопли о мою шею.

Лу Тяо:

...

Может, стоит еще подумать. Кажется, они с Хо Сяньюем не очень подходят друг другу??

На следующее утро солнечные лучи, проникшие через щель в окне, легли на подушку, словно мягкие перья, щекочущие лицо Лу Тяо.

<http://bllate.org/book/16892/1566237>